

— Здесь слишком опасно, — встревоженно произнес Минну. — Старший брат Сунцзин говорил, что нам лучше поскорее убираться отсюда.

Здесьняя нечисть была им не по зубам, и его беспокойство за Цзянь Сюэхэ выглядело вполне оправданным.

Белый голубь в руках Минну растаял призрачной тенью, и защитный барьер, очерченный на земле вокруг него, бесследно исчез.

— В таком состоянии ты ничем не поможешь. Оставь поиски старшему брату Сунцзину, — отозвался «Ли Сяохо». — Выбирайся наружу, а я сам пойду разыщу его.

— Снаружи может быть еще опаснее, — возразил Минну. — Ли Сяохо, давай держаться вместе. Будем просто осторожнее.

Минну ни за что не упустил бы этот шанс.

— Если не хочешь, я и один справлюсь, — добавил он, искоса взглянув на спутника.

В этом мягком, чуть обиженном взгляде сквозило нечто такое, от чего щемило сердце — словно невидимые нити потянулись от него, мягко увлекая за собой.

Находясь в чужом теле, Цзянь Сюэхэ слегка отвернулся. Ему не хотелось говорить, но, помня, что сейчас он выглядит как совершенно другой человек, он постарался не выдать себя. Минну ни о чем не должен был догадаться.

— Я не говорил, что против, — глухо ответил он.

Эти слова приободрили Минну. На его лице промелькнула мимолетная улыбка, и он торопливо прошептал:

— Я только что проверил: та деревяшка, которую ты мне дал, работает и здесь.

На его ладони лежал плоский брусок размером с ладонь, обмотанный тонкими прядями волос. От него исходил едва уловимый, тяжелый запах крови, вываренной в лечебных снадобьях.

Цзянь Сюэхэ скользнул взглядом по ладони юноши, но не успел остановить его — Минну преспокойно сунул деревяшку в рот.

Если он не ошибся, в руках у Минну был Череп призрака — артефакт, вырезанный из кости погибшего в страшных муках мертвеца. Будучи зажатым в зубах, он источал густую волну

темной энергии, позволяя живому сойти за порождение бездны. Подобными грязными, еретическими методами мало кто осмеливался пользоваться.

Заметив на себе пристальный взгляд «Ли Сяохо», Минну смутился. Тот не спешил использовать свой амулет, что вызвало легкое недоумение, но, решив, что Ли Сяохо и без того достаточно силен, юноша не стал расспрашивать.

Они стояли на самой окраине мертвого леса из тел, за которым высилась величественная статуя Змеиной Матери. «Ли Сяохо» не стал возвращаться прежним путем, а повел его вглубь неизведанных болот.

Минну внимательно осматривался. Холодная яшмовая трава росла лишь там, где царили вечный холод и сырость, посреди топких черных болот. Похоже, Цзянь Сюэхэ действительно отправился на ее поиски.

Обычно Ли Сяохо держался позади, но сегодня упрямо шел впереди. Минну ускорил шаг и осторожно потянул его за рукав.

Шедший впереди юноша замер. Минну осторожно перехватил его ладонь — пальцы «Ли Сяохо» на миг напряглись, но он не отстранился. Кончиком пальца Минну медленно вывел на его коже:

«Куда мы идем?»

Прикосновение было невероятно нежным. Минну выводил иероглифы неторопливо, и его палец скользил по ладони Цзянь Сюэхэ, словно невесомое перышко.

— Искать Цзянь Сюэхэ, — тихо отозвался тот.

Минну невольно покосился на иссохший труп за спиной спутника. Лицо мертвеца скрывало красное свадебное покрывало, из-под которого виднелись лишь прорези для носа и пара пустых, устремленных прямо на него глаз.

Благодаря Черепу призрака, зажатому во рту, Минну теперь отчетливо видел весь кошмар этого проклятого места. На искривленных ветвях здешних деревьев покачивались тела мужчин и женщин. Все они при жизни были облачены в нарядные свадебные одежды; некогда запечатые в настенных росписях, они нашли свою мучительную смерть здесь, будучи заживо повешенными на мертвых сучьях.

Вновь мелькнул силуэт призрака в алых одеждах. Половина ее лица являла собой жуткую, посмертную маску, тогда как другая оставалась нежной и добродетельной. Этот жуткий контраст заставлял кровь стынуть в жилах. Красноглазая дева без тени жалости обрывала человеческие жизни, вздергивая несчастных на невидимых нитях, словно безвольных

марионеток.

По спине Минну пробежал леденящий озноб. Стволы деревьев вокруг окрасились в багровые тона. Вынув изо рта костяной амулет, он вполголоса обратился к спутнику:

— Я слышал легенду о двух верных слугах Змеиной Матери. Один из них происходил из праведного ордена, а второй явился из глубин самой бездны — призрачный кукловод, повелевающий смертоносными нитями.

«Ли Сяохо» ровно кивнул:

— Верно. Тот, кто вышел из великого клана, зовется Снежной Одой. Ему велено охранять Пруд Лазурных Волн. Второго же, порожденного бездной призрака, зовут Призрачным Лордом. Он долгие годы преданно служил своей госпоже, а после кончины Змеиной Матери остался стеречь гору Колокола и Барабана.

— Значит... на этот раз бесчинствует Призрачный Лорд? — спросил Минну.

— Возможно, какая-то тварь просто использует чужую силу, — уклончиво ответил «Ли Сяохо».

Тропа сужалась, уступая место топким провалам. Суши почти не осталось: вокруг простиралась вязкая черная жижа, испускавшая слабое, мертвенно-синее свечение. На ее поверхности копошились трупные жуки, чьи брюшки тускло мерцали во тьме.

Окружающий воздух словно застыл в гробовом молчании. Здесь мертвый лес расступался, но едва они ступили на зыбкую почву болота, как атмосфера неузнаваемо изменилась, навалившись на плечи тяжелым, удушливым гнетом. Из глубин трясины топорщились искривленные корни мертвых деревьев. Кругом царил зловещая тишина, и силуэта Цзянь Сюэхэ нигде не было видно.

— Погоди, — резко бросил «Ли Сяохо», останавливаясь.

Минну послушно замер. Свечение мертвых жуков на черной грязи отливало ядовитой зеленью. Впереди болотная топь переходила в застоявшееся темное озеро, на глади которого в отдалении слабо мерцало серебро.

Холодный серебряный свет струился из самого сердца одинокого бутона. Крошечный лотос покачивался на темной воде. Его лепестки походили на тончайшую вязь из застывших насекомых, но сам цветок казался невероятно чистым и непорочным среди этого гнилого омута. Серебряные лотосы распускались лишь там, где веками копились невыразимая скорбь и злоба, а драгоценная Холодная яшмовая трава пряталась в самой глубине его венчика, заменяя цветку пестик.

Минну мгновенно понял, что перед ним. Сердце его взволнованно забилося, взгляд намертво прикипел к серебряному бутону. Насилу заставив себя успокоиться, он попытался здраво оценить положение. Добыть Холодную яшмовую траву всегда было непосильной задачей. Даже наделенный исключительным везением Цзянь Сюэхэ едва не расплатился за нее жизнью. К тому же, такое сокровище просто не могло остаться без грозного стража. Да и сам он, обычный человек без капли духовных сил, никак не смог бы пересечь эту смертоносную топь.

С трудом отведя тоскливый взгляд от лотоса, Минну подумал, что если Ли Сяохо сумеет забрать цветок, это станет его заслуженной наградой.

Оба замерли. Цзянь Сюэхэ медленно опустил ладонь на рукоять меча, но стоило его пальцам коснуться ножен, как тишина взорвалась.

Раздался оглушительный всплеск, и из глубин черной жижи вырвалась исполинская плеть болотного плюща, устремившись прямо на них.

Вязкая трясина мгновенно превратилась в бурлящую воду. От яростного движения чудовищного отростка поднялись огромные волны грязной пены. Перепуганные трупные светляки тучей взмыли в воздух. Исполинская плеть затмила собой небосвод и мертвенным саваном обрушилась вниз, неся с собой леденящее дыхание вековой злобы.

«Ли Сяохо» взмахнул клинком. Черное лезвие тускло блеснуло в полумраке, но при этом движении он на миг замер. Это оружие не принадлежало ему; лишенное всякой связи с душой владельца, оно казалось тяжелой, бесполезной полосой железа.

Уклониться он уже не успевал. Чудовищная плеть наотмашь ударила по нему. Сила удара была такова, что «Ли Сяохо» вместе с привязанным к спине мертвецом отлетел на добрый десяток чжанов и рухнул глубоко в трясину. Раздался сухой, отчетливый треск. Сухая мумия с силой врезалась в ствол дерева. Ее остекленевшие глаза уставились в пустоту, а изнутри донесся глухой хруст ломающихся костей.

Мэй Ханьцзюэ мысленно взвыл. Пожалуй, это был первый раз, когда он видел, как Цзянь Сюэхэ совершает столь нелепую ошибку. Пронзительная боль отозвалась в глубине искалеченного тела марионетки, но, будучи не в силах издать ни звука, Мэй Ханьцзюэ лишь молча терпел это издевательство, скосив взгляд в сторону.

Вторая плеть устремилась к Минну. Ударной волной юношу сбilo с ног. Но там, во тьме, болотная тварь словно что-то почувствовала: на долю секунды стебель замер у самой его груди, после чего сила сокрушительного удара мгновенно сошла на нет.

И все же для простого смертного даже этой малости хватило с лихвой. Опрокинутый Минну покатился по грязи, выронив меч. Лицо облепила холодная жижа. С глухим стуком он врезался в дерево. В голове зашумело от резкой боли. С трудом сдерживая стон, Минну попытался подняться. Смертельная опасность заставила его сжаться в комок. Он затравленно оглянулся и замер, уставившись на нависший над ним огромный черный отросток.

Тварь выпрямилась прямо перед ним, застывая взор тяжелой, душной тенью. Сердце Минну бешено колотилось в груди, пальцы судорожно нашарили и сжали рукоять оброненного меча. Однако чудовищный стебель лишь медленно описал вокруг него пару кругов, мягко обвил его тело кольцом и почти сразу ослабил хватку, бережно опустив обратно.

Правда, юноша все равно остался лежать в трясине. Не имея духовных сил, он не мог выбраться самостоятельно и медленно погружался в топь, которая грозила похоронить его заживо.

Вдруг неподалеку вспыхнул ослепительный луч духовной энергии, начисто перерубивший черный стебель. Из болотной жижи, отплевываясь от мертво-зеленых мошек, с трудом поднялся «Ли Сяохо». Его темный клинок слабо светился потусторонней силой.

От переполнявшей ущелье злобы маска на лице юноши вздулась. Смахнув с щек болотную мошкарку, он торопливо отвязал от спины безвольную мумию.

Половина тела Мэй Ханьцзюэ погрузилась в грязь. На его иссохшем лице не могло отразиться никаких чувств, иначе он непременно проклял бы Цзянь Сюэхэ на месте. Кто бы мог подумать, что наступит день, когда его, гордого заклинателя, будут использовать вместо обычного щита!

Оружие Ли Сяохо в этих краях было бесполезным куском железа, в отличие от иссохшего тела Мэй Ханьцзюэ, все еще способного накапливать и направлять потоки духовной энергии. Именно марионетка послужила источником недавнего сокрушительного удара.

"Хэ... скорей... Холодная... яшмовая... трава..."

Как бы ни исходил злобой Мэй Ханьцзюэ, сейчас ему оставалось лишь смириться. Их главной целью была Холодная яшмовая трава. Стоило забрать сокровище, и они смогут покинуть этот проклятый лог, не тратя силы на бессмысленную битву со здешней нечистью.

В глубине души зрело недоброе предчувствие: зловещее присутствие, затаившееся во тьме, обещало скорую встречу с чем-то куда более ужасным.

Трясина вновь пришла в движение, и очередная плеть устремила к ним. Цзянь Сюэхэ резким движением подхватил тело Мэй Ханьцзюэ, намотал поверх белую ленту и наложил защитное заклятие, чтобы марионетку окончательно не разнесло на куски от прямого столкновения.

Прикрываясь телом мумии от хлещущих стеблей, Цзянь Сюэхэ на удивление легко маневрировал среди вязкой жижи. Он изящно оттолкнулся от ствола дерева, взмывая в воздух, в то время как болотный монстр с силой обрушился на то место, где он только что стоял, подняв фонтан черных брызг.

Прижавшись к дереву, Минну пытался разглядеть происходящее через пелену брызг, но

разглядеть «Ли Сяохо» в этом хаосе было невозможно.

Трясина засасывала все сильнее. Одной рукой цепляясь за скользкий корень, Минну тщетно пытался высвободить ноги, как вдруг ощутил на лодыжке леденящее прикосновение. Опустив взгляд, он похолодел: из мутной жижи на него смотрело раздутое, искаженное человеческое лицо. Сквозь полусгнившую плоть щеки белели кости. Тварь намертво вцепилась мертвой хваткой в его ногу, затягивая несчастного в бездну.

Фигура Сунцзина возникла перед величественным изваянием Змеиной Матери. Его взгляд уловил среди полумрака край алого одеяния: связанный по рукам и ногам «Цзянь Сюэхэ» со следами крови на щеке сидел на земле, безвольно опустив голову к лежащему рядом мечу.

— Цзянь Сюэхэ? — позвал Сунцзин.

Услышав этот голос, юноша не сразу отреагировал, и лишь мгновение спустя медленно поднял голову. Сунцзин встретился с его взглядом — бездонные черные глаза казались еще темнее и холоднее, чем обычно.

Снежный меч Цзянь Сюэхэ лежал неподвижно, словно обычный кусок серого камня. Сам он сидел, привалившись к дереву, а неподалеку, в центре угасающего защитного круга, без чувств лежал Мэй Ханьцзюэ.

— Старший брат Сунцзин, — заговорил «Цзянь Сюэхэ». Голос его звучал натянуто, словно он с трудом управлялся с собственными голосовыми связками. — Кажется... мы в ловушке.

Очертания мертвого леса вдали таяли во мгле. Лик изваяния Змеиной Матери заволокло плотным черным туманом. По обе стороны от нее замерли ее верные слуги: Снежная Ода стоял, низко опустив голову, а Призрачный Лорд едва заметно косился в сторону — и силуэты всех троих постепенно растворялись во тьме.

Среди клубящегося мрака медленно соткался силуэт женщины в алом наряде. Ее лицо проступило из тумана: одна его половина была иссохшей и уродливой, а другая — пугающе нежной и безмятежной. На ее устах играла кроткая, но оттого еще более зловещая улыбка.

Сунцзин мгновенно оценил угрозу. Он опустил ладонь на плечо «Цзянь Сюэхэ», одним быстрым пассом возводя вокруг него мерцающий барьер. После чего решительно шагнул в самое сердце черного тумана, не сводя глаз с багрового силуэта.

Еще мгновением ранее он получил весточку от учеников ордена.

— Цинь Ляньцзюнь, — неторопливо заговорил Сунцзин. — Третья супруга Чжэн Цюйина. Дочь

лекаря из Аптеки Восточного Хребта, за которую клан Чжэн прислал щедрые дары... и которая нашла свою лютую смерть по пути к свадебному алтарю.

Резкий порыв ледяного ветра пронесся над топью. Воздух вокруг словно заledenел.

В это время на болоте Минну до боли стиснул рукоять своего Миниатюрного меча. Стиснув зубы и зажмурившись, он изо всех сил вонзил лезвие в черную жижу у самых ног.

Хватка на лодыжке мгновенно ослабла. Распахнув глаза, Минну увидел, что жуткая морда бесследно исчезла в болотной глубине.

Юноша выдернул оружие: по тонкому стальному жалу змеилась едва заметная черная дымка. Не теряя времени, он ухватился за нависшую ветвь и, упираясь в ствол дерева, принялся дюйм за дюймом вытягивать свое тело из вязкого плена.

Тем временем черные плети неистовствовали. Цзянь Сюэхэ удалось подобраться к самому серебряному лотосу. Когда чудовищный стебель вновь устремился к нему, он уловил нужный миг: взмахнув зажатым в руках телом Мэй Ханьцзюэ, направил мощный поток духовной силы навстречу врагу. Увернувшись от ответного удара, он потянулся к заветному бутону.

Однако его пальцы схватили лишь воздух. Лотос, словно обладая собственным разумом, плавно отпрянул в сторону. В тот же миг из озерных глубин медленно поднялся смутный лик.

Цзянь Сюэхэ словно парализовало. Он мог лишь беспомощно наблюдать, как сокровище ускользает из рук, а прямо под ним проступает лик Призрачного Лорда. Благообразное, умиротворенное лицо призрачного лорда казалось исполненным кротости, но от него веяло чистым, первозданным злом. По болотной глади поползли черные змеиные узоры, переплетенные с бесчисленными вредоносными заклятиями.

От этого лика исходила удушающая волна загробного холода. Темные письмена, извиваясь подобно мерзким червям, стремительно расползались по воде. В душе Цзянь Сюэхэ завыл набат: нужно немедленно бежать!

Однако тело отказывалось подчиняться. Глаза на призрачном лице медленно распахнулись. Проклятые символы хлынули вперед, мгновенно поглощая и рассеивая остатки его духовных атак.

Отраженная духовная волна устремилась прямо на него.

Раздался глухой удар — грудь Цзянь Сюэхэ оказалась пробита насквозь собственной же атакой. Когда он падал в бездну, угасающий луч его белоснежной энергии все же сумел

расколоть призрачный лик Призрачного Лорда, и черные проклятия мгновенно развеялись прахом.

Изо рта Цзянь Сюэхэ хлынула кровь, в глазах все заволокло багровой пеленой. Алая влага в мгновение ока пропитала его одежды.

В следующий миг болотная гладь снова замерла, словно ничего и не было.

До ушей Минну донесся протяжный, вибрирующий гул. Однако зловещий туман, подползавший к нему, таял сам собой, не смея причинить вреда. Из-под его ворота выскользнул костяной амулет — мужская фаланга пальца на шнурке. Минну мельком взглянул на нее и бережно спрятал обратно под одежду.

Все утихло. Вязкая жижа болот вновь обратилась в чистую, мерно струящуюся озерную воду. И прямо к его ногам течение мягко вынесло серебряный бутон.

Это была Холодная яшмовая трава.

Глаза юноши восторженно округлились. Дрожащими руками он бережно поднял серебряный лотос. Цветок ярко сиял, и стоило Минну коснуться его, как лепестки послушно раскрылись, являя миру две сверкающие льдинки — заветный холодный нефрит.

Он робко протянул палец. Стоило коснуться первой половины, как она бесследно растаяла, впитавшись в его кожу. Минну ошеломленно замер. Когда же его пальцы сомкнулись на второй половинке, его ладонь обожгло пронизывающим, неземным холодом.

Должно быть, он слишком долго пробыл в болотной воде — озноб пробрал его до самых костей. Поспешно спрятав оставшуюся часть Холодной яшмовой травы, Минну заозирался по сторонам в поисках спутника.

— Ли Сяохо! — испуганно позвал он.

Выбравшись из-за ствола старого дерева, Минну застыл на месте. Перед ним расплывалось огромное багровое пятно.

Ли Сяохо лежал без движения в луже собственной крови.